

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. С. Макарычев

«Мозговые центры» и исследования
коррупции: новые грани
российского экспертного дискурса

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Makarychev_new_grani.pdf

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

А. С. Макарычев

«Мозговые центры» и исследования коррупции: новые грани российского экспертного дискурса

Введение

Социальная функция экспертных организаций в русле антикоррупционной стратегии состоит в упреждающем анализе законопроектов на предмет содержания в них положений, потенциально способствующих коррупционной практике. Проблема, однако, здесь видится в том, что до сих пор нет чётких организационных процедур для осуществления научной экспертизы государственных проектов, не определён правовой статус экспертизы законодательства, не всегда осуществляется принцип её независимости [2]. Кроме того, «общество удалено от участия в управлении слишком сложными и тонкими материями, которые целиком оставлены узкой группе профессионалов и экспертов» [3].

Тем не менее, в общих чертах определить, что же такое антикоррупционная экспертиза, всё же можно. Экспертиза опирается не на перечни нарушений и их фигурантов, а на систему качественных показателей, которая отражает целостную картину коррупционных практик в том или ином регионе, позволяет сравнивать субъекты федерации друг с другом и в итоге создаёт предпосылки для воздействия на властные структуры для исправления ситуации. Именно поэтому оценивать нужно не число фактов коррупции, а условия, способствующие её распространению. Эксперты «мозговых центров», в отличие от средств массовой информации, анализируют не «войну компроматов», а факторы, благоприятствующие процветанию коррупции в органах власти [4].

Антикоррупционная экспертиза, таким образом, это - способ: а) «сборки знаний», б) вывода оценки ситуации из-под влияния

заинтересованных политических инстанций; в) инициирования общественных изменений. Её необходимость связана с тем, что борьба с коррупцией — это сфера, в которой сосуществуют самые различные представления и опыты [5].

Изучая коррупцию, эксперты анализируют важную составную часть функционирования системы властных отношений. Коррупция — это не «побочный продукт», а составная часть функционирования политико-административного рынка России. Без её анализа нельзя в принципе понять процесс принятия решений на различных уровнях власти. Это — часть «неформального порядка» российской политики, сулящего стране огромные трудности в процессе модернизации и демократического транзита.

1. Исследования коррупции в рамках академических дисциплин

Социальные контексты

Ряд экспертов связывает расцвет коррупции с распадом социальных иерархий [6]. При таком подходе проблемы коррупции становятся составной частью анализа так называемого «общества рисков», в котором доминирует катастрофическое сознание и ощущение «моральной паники» [7].

Другие эксперты, по сути, оправдывают существования различных проявлений коррупции, приписывая ей выполнение таких функций, как «смазка», «амортизация» и «стабилизация». Согласно этой логике, в периоды трансформаций сложившихся связей коррупция во многом способствует ускорению процесса образования новых, более эффективных связей. Согласно этой точке зрения, политический процесс опутан огромным числом уз, и люди, вынужденные нарушать формальные правила, мотивированы вполне рациональными целями. Некоторые эконометрические исследования отмечают, что чиновник, берущий взятки, вполне может быть более эффективным, чем его «честный» коллега, который из-за своей волокиты и соблюдения всех правил бюрократии либо способен загубить важное для общества дело, либо спровоцировать обращающегося к нему человека к даче взяток на более высоком уровне административной иерархии [8].

По словам директора Института социологического анализа И.Клямкина, в России сегодня доминирует репрессивная тенденция в

оценке методов борьбы с коррупцией. «Общество явно склоняется к тому, что коррупция и теневой бизнес могут быть подавлены только силой — полицейской или даже военной. В самом же обществе люди не видят ни влиятельных интересов, ни интеллектуальных и нравственных ресурсов ... которые подталкивали бы к серьёзным антикоррупционным действиям... Репрессивное сознание, будучи доминирующим в современной России, лишено энергии оптимизма; оно скорее инерционно-остаточное» [9].

Существенным ограничителем антикоррупционной деятельности является то, что не только органы власти, но и многие неправительственные институты привыкли работать в «теневых условиях». В самом обществе существуют значительные слои, «включённые в теневую реальность», настроенные на работу в теневых отношениях. Это касается, прежде всего, крупного бизнеса, средств массовой информации и политических партий (по словам И.Клямкина, прежде всего речь идёт о сторонниках ЛДПР[10]). В этом смысле надежды на то, что взаимоотношения между властью и обществом станут более прозрачными лишь по причине естественной смены поколений, являются достаточно эфемерными.

Проникновение коррупции в сферу социально-политических отношений [11] прямо связано со слабой системой социальной коммуникации между основными акторами. Есть прямая зависимость между коррупцией и системой взаимоотношений между политическим классом и обществом. Именно поэтому «гораздо легче купить голоса, чем убедить депутата, фракцию, партию» [12]. Аналогичным образом обстоят дела и с индивидуальным избирателем: поскольку инвестировать свой голос в политические структуры — чрезвычайно сложный процесс, происходит массовая продажа голосов, которая и является одной из возможных рациональных стратегий.

Сравнительно-политологические контексты

Одним из наиболее плодотворных концептуальных подходов к описанию коррупции в России является её трактовка как составной части «авторитарно-бюрократической» модели развития, хорошо известной по опыту многих латиноамериканских корпоративистских режимов [13]. Ключевой категорией при этом может служить политико-административная рента (что с теоретической точки зрения вполне подлежит изучению с помощью метода, известного как cost-benefit

analysis). Для режимов-рантье характерны следующие элементы, типичные для так называемой «делегативной демократии» (Гильермо О'Донелл):

- политический патронаж и клиентизм (аналог российской «крыши»);
- преобладание неформальных практик над формальными. Чаще всего корпоративное единство властных структур становится выше закона;
- патримониализм;
- популизм.

Основным стимулом рантье (о чём свидетельствуют многочисленные примеры стран Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки) становится не инвестирование получаемых ресурсов в производственный сектор, а их использование для консервации тех политических условий и привилегий, которые позволяют им получать ренту. Это – то, что называется некоторыми исследователями «портфельным выбором» (portfolio choice model of crime [14]). В конечном итоге получатели политико-административной ренты стремятся к сохранению своей автономии от гражданского общества и к репрессиям в отношении тех сил, которые нацелены на изменение ситуации [15]. При таком типе режима коррупция используется в качестве фактора консолидации правящей элиты, позволяющего ей применять огромное количество мер поощрения и наказания.

Феномен политико-административной коррупции также может быть рассмотрен в рамках одной из концепций Манкура Олсона, выделившего две экономические модели преступного поведения: «кочующий бандит» и «стационарный бандит». Вторая модель предполагает взимание политико-административной ренты со стороны организованной преступной группы, что с экономической точки зрения «предпочтительнее преступности дезорганизованной» [16].

Возникает вопрос: возможна ли трансформация модели «рантье», широко представленной в России на региональном уровне? Можно говорить о двух направлениях её эволюции.

- Первое – это постепенная либерализация и модернизация региональных политических режимов, предполагающая укоренение реальной политической конкуренции на основе укрепления политического плюрализма, реализация принципа разделения властей, прозрачность в принятии решений, правовое регулирование политической деятельности, обеспечение свободы СМИ.

- Второе возможное направление – дезинтеграция режима и распад системы управления. Опасность этого сценария в этнических республиках приводит к вялому, безвольному поведению федерального центра в отношении очевидных случаев массовых нарушений на региональных выборах.

Говоря о трансформации региональных режимов-рантье, нужно иметь в виду не только внутрирегиональные, но и внешние факторы воздействия. Понятно, что никакие глобальные трансформации сами по себе не приведут к автоматическим позитивным изменениям в сфере борьбы с коррупцией. Не гарантирует результата в этом направлении и построение модели «сильного государства» (о чём может свидетельствовать, допустим, пример Египта).

Контексты безопасности

Ещё относительно недавно научное осмысление проблем безопасности было фактически монополизировано так называемыми «стратегическими исследованиями», которые составляли костяк международных отношений как академической дисциплины. Стратегические исследования, в целом основанные на принципах политического реализма, были сконцентрированы на изучении государств в качестве носителей военной силы, и на взаимоотношения между ними в военной и дипломатической сферах. Однако начиная с 1970х годов ряд школ, получивших впоследствии название «критических», предложили перенести акцент в трактовке проблем безопасности с изучения официальных, правительственных структур на институты самого общества.

Расширение проблемного поля безопасности и процесс пересмотра ряда «жёстких», то есть государствоцентричных, концептов безопасности в научной литературе вполне адекватно описывается в категориях securitization. Этот термин, не имеющий адекватного перевода на русский язык, означает артикуляцию и вербализацию определённых тем как проблем безопасности. Securitization – это социально конструируемое явление, поскольку оно основано на нарративах, дискурсных практиках и так называемых «речевых актах», имеющих целью сформировать в обществе те или иные установки в отношении угроз, рисков и вызовов безопасности.

В этой связи можно утверждать, что коррупция принимает особо опасные формы в тех сферах, которые связаны с теми или иными

асpekтами обеспечения безопасности общества и его конкретных структур [17]. С одной стороны, термин «безопасность» часто применяется для характеристики той «услуги», торговля которой является составной частью ракет, в большинстве случаев имеющего государственную «крышу». В условиях, когда экономические субъекты не могут рассчитывать на государственные инстанции в защите своей безопасности, они вынуждены прибегать к суррогатам, то есть нелегальным формам защиты от многочисленных угроз [18]. Ракет есть не что иное, как взимание поборов за безопасность.

С другой стороны, коррупция прямо влияет на состояние безопасности самого государства. Таможня – классический пример того, как излишне жёсткое регулирование со стороны государства моментально приводит к возникновению «серых» или криминальных сфер. К примеру, «таможенные компьютерщики начали торговать номерами «белых» государственных таможенных деклараций, которые стали оформляться на очень большие партии товара» [19].

Сам факт того, что в правительственных кругах закрепилось устойчивое мнение о том, что «резервы таможни безграничны», уже создаёт почву для злоупотреблений [20]. Когда Питер Дэйвис, директор компании DHL по Центральной Европе и СНГ, «задал вопрос представителям крупных транснациональных корпораций, в каких пост-коммунистических странах таможенное законодательство является наиболее ясным и простым, Россия не была названа ни разу. В отчёте исследовательского отдела журнала The Economist импортным процедурам, предусмотренным законодательством РФ, была поставлена самая низкая оценка ввиду огромного объёма необходимой документации, низкой скорости проведения таможенных процедур и размаха коррупции среди таможенников» [21].

Негативное влияние коррупции на другие сферы экономической безопасности просматривается в следующих направлениях:

- Незаконное использование льгот по налогу на добавленную стоимость за проданные за пределы СНГ российские товары. Эти льготы задумывались в качестве стимула для развития экспортного потенциала отечественных товаропроизводителей, однако на практике часто имеют место злоупотребления или прямые нарушения закона, вплоть до фальсификаций;
- банкротство с целью незаконного перераспределения собственности;

- уклонение от уплаты налогов при помощи административных инструментов.

Международные контексты

Участие в осмыслении проблем коррупции специалистов по современному международному отношению даёт понимание того факта, что внутрироссийские процессы «коррозии» государства теснейшим образом сопряжены с глобальными. Международный контекст ситуации напрямую связан с тем, что появление так называемых «глобальных денег» [22], не привязанных к конкретной территории и не связанных административными границами, постепенно приводит к ослаблению государственных институтов и, следовательно, к упадку способности демократически избранных властей эффективно реагировать на посягательства со стороны транснациональных криминальных «сетей».

Особо острые проблемы возникают, если речь идёт не просто о «глобальных», но о «грязных деньгах». Финансовое благополучие банковской системы Швейцарии, а также большинства офф-шорных государств традиционно связано с принципом «не спрашивай слишком много своего клиента» [23]. В этом смысле эти государства становятся «сервисными центрами» для сетей, создающих «Рах Мafiosa» [24]. Российские преступные группировки, взращённые на отечественной коррупции, легко и органично пополнили собой ряды транснациональных криминальных сетей, чьи совокупные ресурсы, вероятно, уже превосходят ресурсы ведущих государств [25].

Видимо, специалистам в области международных отношений ещё предстоит осмыслить и объяснить то обстоятельство, что в 1990е годы коррупционные скандалы волнами прошли по большинству стран Запада: ими были задеты США [26], Бельгия, Франция, Германия, Испания, даже Скандинавские страны. Одно из объяснений может состоять в том, что предание гласности коррупционных фактов в годы «холодной войны» сдерживалось опасением ослабления «единого фронта» Запада против СССР. После падения коммунизма в Восточной Европе и распада Советского Союза этот «корпоративный» мотив перестал быть актуальным, и на поверхность всплыли многочисленные факты злоупотреблений и служебных преступлений в исполнении многих политических деятелей индустриально развитых стран [27]. В известном смысле можно утверждать, например, что дело Bank of New York — это

свидетельство коррупции не столько российской, сколько американской финансовой системы.

Подключение России к глобальным процессам может двояко сказаться на судьбе её политических процессов:

- с одной стороны, глобализация способствует либерализации и модернизации всей сферы управленческих и социально-экономических отношений. Так, наученные своим собственным горьким опытом неэффективного кредитования слаборазвитых стран, глобальные институты (Международный валютный фонд, группа Всемирного банка и Всемирная торговая организация) с середины 1990 годов стали более жёстко и последовательно, чем раньше, внедрять в практику такие принципы взаимоотношений, которые предполагают устранение препятствий на пути инвестиций в развивающиеся страны, обязательность независимого аудита для получения новых кредитных линий или реструктуризации долгов, повышение качества надзора за финансовыми операциями, большую ясность и строгость бюджетного процесса, предоставление международному сообществу большего объёма экономической и статистической информации [28].

- с другой стороны, глобализация может усилить стимулы для ренто-ориентированного поведения (прежде всего, за счёт административного контроля за продажей энергоносителей и природных ресурсов). Кроме того, расширение сферы использования информационных технологий вполне может быть использовано региональными «политическими рантье» для усиления манипуляции информацией путём её сокрытия, искажения или незаконного обнародования.

Гендерные контексты

Гендерные исследования включают в себя важное положение о том, что многие типы теневых отношений в целом и коррупции в частности могут быть устранены при условии воплощения в жизнь «гендерной повестки дня». К примеру, коррупция в рядах Вооружённых Сил может быть уменьшена внедрением практики альтернативной гражданской службы и впоследствии – формированием армии на контрактной основе (позиция большинства Комитетов солдатских матерей). Гендерные специалисты обращают внимание на то, что феминизация миграционных потоков приводит к росту «теневых секторов» на рынках труда и питает собой криминальные структуры, связанные с секс-бизнесом и незаконной

торговлей женщинами, которая получила столь широкий масштаб не без ведома официальных лиц многих стран (как отправляющих, так и принимающих).

2. Российские «мозговые центры» и проблемы коррупции

Представляется не случайным, что многие ведущие центры по изучению общественной политики России занялись изучением проблем коррупции. Попытаемся показать специфику каждого из них.

2.1. Независимые центры

С нашей точки зрения, наиболее пристальное внимание проблемам коррупции уделяет Фонд ИНДЕМ. Особенностью его анализа коррупционных практик является, во-первых, применения инструментов компаративизма [29], как для межстрановых сопоставлений, так и для межрегиональных. К примеру, исследование «Коррупция в России», осуществлённое ИНДЕМом при поддержке Всемирного банка, содержит интересный вывод о том, что «уровень коррупции выше в дотационных, чем в донорских регионах, однако масштаб самих коррупционных сделок всё-таки выше в богатых регионах, особенно с большой экспортной составляющей» [30]. В исследованиях ИНДЕМа также содержатся любопытные социологические сравнения между «группой риска» и «группой надежды» — двумя идеально-типическими категориями потенциальных участников коррупционных отношений [31].

Во-вторых, ИНДЕМ одним из первых поставил вопрос (и начал решать его на практике) о возможностях использования информационных технологий в антикоррупционной деятельности [32]. Действительно, в последнее время в экспертных кругах стали модными разговоры об «электронном правительстве», модель которого предполагает введение электронного документооборота, что позволяет снизить административно-бюрократические злоупотребления при выдаче патентов, лицензий, разрешений, справок, свидетельств. Влияние интернет-технологий на электоральные процессы можно увидеть в нескольких сферах: а) выборы потенциально становятся более гласными; б) электронные технологии создали новые условия для «обратной связи» между политическими лидерами и избирателями; в) появилась дополнительная возможность беспрепятственного тиражирования альтернативных источников информации о выборах; г) расширяются возможности для политической экспертизы, которая может быть скучна для любителей «жёлтой прессы»

и потому редко публикуется в массовых газетах, но чрезвычайно необходима для специалистов. Конечно, интернет лишь создаёт новые возможности для прозрачности, но не может служить гарантом качества предлагаемого информационного товара.

В-третьих, исследования ИНДЕМа отличает наличие теоретических подходов, чаще всего проявляющихся в следовании теории неoinституционализма [33]. Неoinституциональный подход рассматривает коррупционные отношения сквозь призму таких вполне рациональных и рыночных категорий, как «рынок труда» в теневом бизнесе, конкуренция на мафиозном рынке, издержки и прибыль, бюджет теневых организаций, спрос, специализация, и т.д.[34]

В-четвёртых, ИНДЕМ активно развивает сетевые формы профессиональной деятельности на антикоррупционном «фронте», работая в тесном контакте с рядом влиятельных неправительственных организаций, таких как Национальный антикоррупционный комитет [35] или российское представительство «Трансперенси интернэйшнл». В результате формируются основы «горизонтального» сообщества аналитиков и практиков, что чрезвычайно важно с точки зрения формирования широкой антикоррупционной коалиции в России. Создание «сетей влияния» [36], объединяющих различных антикоррупционных акторов, имеет большое значение с точки зрения обмена информацией и распространения позитивных практик.

Другой важной экспертной инстанцией, вносящей значительный вклад в аналитическое осмысление российской коррупции, является «Клуб 2015». Особенностью этого «мозгового центра» является, прежде всего, его ориентация на обеспечение научно-аналитической поддержки крупному российскому бизнесу. В силу этого анализ «Клуба 2015» носит весьма практический характер и приводит к выстраиванию нескольких «пучков сценариев», описывающих перспективы обуздания коррупции («вялая Россия», «мрачная Россия», «Smart Россия», «захват государства бизнесом», «захват бизнеса государством», «поражение транзита», «латиноамериканизация», «африканизация» и т.д. [37]).

Институт корпоративного права и управления во главе с Дмитрием Васильевым занимает сходную экспертную «нишу». Коррупционная проблематика интересует этот Институт с точки зрения необходимости резкого ограничения вмешательства госчиновников в корпоративные дела и одновременного усиления независимости судебной власти [38].

Независимый институт выборов занимается изучением различных нарушений избирательного законодательства и случаев электоральной коррупции. В поле внимания экспертов Института попадают такие вопросы, как закрытость партийной жизни, срастание партийных структур с государственным аппаратом [39], несоблюдение процедурных норм на выборах в регионах [40], административные влияния на волеизъявление избирателей [41], и т.д.

2.2. Прогосударственные и околоправительственные центры.

На этом фланге крупнейшим «мозговым центром», уделившим часть своих аналитических ресурсов для изучения коррупции, является Совет по внешней и оборонной политике. С одной стороны, СВОП, будучи ориентированным на оказание консультационных услуг федеральному политическому истеблишменту, вынужденно склоняется к государство-центричной парадигме антикоррупционной деятельности, предлагая, например, преимущественно государственное финансирование избирательных кампаний «без использования средств банков и корпораций, частных пожертвований» [42]. С другой стороны, СВОП разделяет и некоторые вполне либеральные антикоррупционные меры, касающиеся возможности делегирования государством значительной части своих функций профессиональным сообществам, дальнейшего приведения российского законодательства в соответствии с международными правовыми стандартами, и т.д.

Фонд эффективной политики является другим примером близкого к официозу «мозгового центра» в том смысле, что его проектные приоритеты отражают иерархию задач органов государственной власти, совокупно именуемых Кремлём. В этом смысле показательно, что руководитель ФЭП Г.Павловский предпочитает переводить ракурс дискуссии о коррупции и «теневой юстиции» с федерального центра на регионы [43]. Основная идея Г.Павловского состоит в том, что корни политико-административной коррупции нужно искать в особенности региональных политических режимов, где губернаторы являются крупнейшими олигархами, разворовывая государственную собственность и создавая «конфедерацию зон теневой власти», своего рода «государство номер два» [44].

В.Никонов, глава фонда «Политика», в целом придерживается аналогичных взглядов, трактуя наступление государства на «олигархов» в начальный период президентства В.Путина как важнейший элемент более

широкого антикоррупционного проекта, на реализацию которого, по его мнению, решительно настроена федеральная исполнительная власть [45].

Центр стратегических разработок, оказывающий экспертные услуги Министерству экономического развития, в 2000 году выступил с рядом предложений антикоррупционной направленности. Важнейшими среди них являются: обеспечение равного подхода к налогоплательщикам (другими словами, запрет хозяйственным агентам иметь налоговую недоимку), возможность доступа к финансовым документам госорганов для негосударственных организаций, создание «чёрного листа» коррумпированных менеджеров, и т.д [46].

2.3. Региональные «островки экспертизы»

На региональном уровне необходимо упомянуть об исследовании Российско-европейского центра экономической политики (RECER) масштабов «теневой экономики» в Калининградской области [47]. Данное исследование было сразу же замечено на Западе и стало частью широких политических дебатов о состоянии коррупции в балтийском «анклаве» России.

Важную роль в формировании антикоррупционной повестки дня играет и санкт-петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия». Важность его исследований во многом объясняется особым вниманием, которое уделяется проблемам коррупции в Санкт-Петербурге как со стороны российских, так и зарубежных политических и общественных деятелей.

В Нижнем Новгороде изучением вопросов функционирования «теневых рынков» и административные ресурсы занимается Центр социально-экономической экспертизы. Он работает на проектной основе с рядом международных и внутрирегиональных партнёров, организуя, помимо исследовательской работы, общественные антикоррупционные слушания и другие формы публичного обсуждения вопросов открытости и прозрачности [48].

При непосредственном содействии Департамента юстиции и Американского университета в нескольких регионах была создана сеть из центров по изучению организованной преступности. В её рамках существует своё разделение ролей: Санкт-Петербургский Центр занимается изучением проблем коррупции, московский – географии преступных группировок и сообществ в провинциальной России, иркутский – незаконной торговли людьми и эксплуатацией россиян за

границей, владивостокский – транснациональной преступной деятельности [49].

Новые исследовательские горизонты

Нам представляется, что одним из потенциально наиболее плодотворных направлений деятельности различных «мозговых центров» может быть исследование множества зон в общественных отношениях, либо не чётко регламентированных законом, либо параллельно регулируемых как правовыми, так и какими-то иными (профессиональными, корпоративными, моральными) принципами. Именно в этих зонах и зарождаются коррупционные отношения. Прежде чем бороться с ними, нужно максимально глубже понять природу их возникновения. Вот лишь некоторые из таких зон:

- Партийная жизнь, значительная доля которой носит закрытый, а то и секретный характер [50]. Партийные активисты могут покупаться, продаваться и легко контролируются узкогрупповыми интересами [51]. В России доминирование в партийных структурах несменяемых лидеров – серьезная проблема, с которой могут помочь справиться праймериз, практика применения которых возникла в США на волне протеста против засилья тайных, непрозрачных процедур предварительного отбора и согласования кандидатов на политические должности [52].

- Отношения в Вооружённых Силах, которые остаются «островком закрытости» от посторонних взоров. Сошлёмся на мнение эксперта: «Для призывников знакомство с коррупцией начинается при прохождении медицинской комиссии... За определённую мзду отдельные врачи готовы сделать из потенциального солдата или матроса инвалида любой группы». Ещё большие размеры коррупция принимает непосредственно в рядах Вооружённых сил, где присутствует «своеобразный армейский бартер: ты отпускаешь моего племянника в академию, а я ускоряю присвоение тебе звания (получение квартиры)... Всем набили оскомину пресловутые генеральские дачи, построенные военными, банкеты в честь прибытия высокого начальства, сауны с девочками...» Закрытость армейской экономики тоже порождает «теневые отношения»: «Свои поставщики, фиктивные торги, фантастические цены... Известны случаи, когда военпреды принимали некондиционную технику и оружие в обмен на квартиры, премии и т.д... Новое поле деятельности для казнокрадов – реализация и утилизация военной техники и военного имущества. Масштабы воровства и разбазаривания военного имущества, подкупа

должностных лиц при приватизации, сдачи в аренду недвижимости (сюда следует включить и аренду воздушных и морских судов) достигли невообразимых масштабов» [53].

- Профессиональная экспертиза. Парадокс состоит в том, что сам институт экспертизы может быть субъектом коррупционных связей. К примеру, это было наглядно проиллюстрировано доказанными обвинениями в использовании инсайдерской информации для игры на российском рынке ценных бумаг специалистами Гарвардского института международного развития, которые администрировали программу конгресса США по финансовому содействию России и занимались консультированием российского правительства [54]. В апреле 2002 года вскрылись факты предвзятости оценок аналитиков компании Merrill Lynch, которые они давали своим клиентам [55]. Оказалось, что сугубо профессиональная сфера, которая традиционно базировалась на доверии и на внутренних стандартах компании, которая оценивает других участников рынка ценных бумаг, содержит в себе значительный коррупционный потенциал [56]. Американское законодательство после этого случая обязало профессиональных консультантов сообщать, принадлежат ли им или их фирмам акции анализируемых предприятий, однако, по словам одного комментатора, ничто не мешает аналитику позвонить своему приятелю и сказать: «Купи мне портфельчик таких-то акций» [57].

Заключение

Таким образом, мы показали, что существуют такие сферы антикоррупционной деятельности, где добиться результатов только на основе энергии и энтузиазма институтов гражданского общества очень сложно, если вообще возможно. Инструментарий общественных, неправительственных организаций «третьего сектора», а также средств массовой информации, пригоден тогда, когда необходимо обратить внимание политической элиты на наличие реакции «снизу» на те феномены, которые хорошо понятны и очевидны обыкновенным людям, но в силу каких-то причин не замечаются властями или не получают адекватного внимания в верхах. Однако во многих случаях акций протеста, давления на политических лидеров или кампаний в формате «социальной рекламы» бывает недостаточно, поскольку плохо изучена сама природа коррупционных феноменов. В этом случае апелляции к активизации массового сознания не дадут должного эффекта. Здесь в дело

должны вступить носители профессионального знания, те, кого мы называем экспертами. Их миссия заключается в том, чтобы увидеть и продиагностировать коррупционные симптомы в тех сферах, которые изолированы от обыденного сознания массой различных «фильтров».

-
1. Доклад на международной конференции МДД.
 2. <http://www.vybery.ru/journal/journ12/j12arta3.html>
 3. Там же.
 4. И.Яковенко. Общественная экспертиза – глобальная система борьбы за права человека, <http://www.hro.org/editions/hrdef/100/0105.htm>
 5. С.Попов. Метод экспертизы, <http://www.shkp.ru>.
 6. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. Научные доклады, № 98. Москва: МОНФ, 1999. Стр. 49.
 7. Катастрофическое сознание в современном мире конца 20 века (по материалам международных исследований). Научные доклады, № 96. Москва: МОНФ, 1999.
 8. Sergei Guriev. A Theory of Informative Red Tape with an Application to Top-Level Corruption. Working paper # 99/007. Moscow: New Economic School, 1999. Pp. 22-23.
 9. Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневой образ жизни. Социологический автопортрет постсоветского общества // Полис, № 5, 2000. Стр.125, 126.
 10. <http://www.csr.ru/conferences/sten.kor.17.04.00.html>
 11. И.В.Рывкина. Теневые процессы в неэкономических сферах российского общества, <http://www.socio.ru>
 12. http://politeconomy.ng.ru/research/1999-11-23/1_corruption_2.html
 13. John D.Martz. Bureaucratic-Authoritarianism, Transition to Democracy, and the Political-Culture Dimension, in: *New Directions in Comparative Politics*. Edited by Howard J.Wiarda. Westview Press, Boulder, San Francisco, Oxford, 1991. Pp. 200-210.
 14. Yuriy Andrienko. Explaining Crime Growth in Russia During Transition: Economic and Criminometric Approach. Working Paper N 10. Moscow: Centre for Economic and Financial Research, 2001. P. 10.
 15. Martin Beck. Globalization as a Threat. The Resistance to Globalization in the Middle East as a Rational Reaction of the Political Elites. Paper presented at International Conference

«Resistance to Globalization? A Comparison of Three World Regions». University of Tubingen, October 10-14, 2001.

16. Ю.В.Латов. Особенности национального рэкета: история и современность // Мир России, № 3, 2001. Стр. 158.

17. John McFarlane. Transnational Crime as Security Issue, in: Transnational Crime and Regional Security in the Asia Pacific. Edited by Carolina G.Hernandez and Gina R.Pattugalan. Council for Security Cooperation in the Asia Pacific and Institute for Strategic and Development Studies, Inc., 1999. Pp. 29-31.

18. . Ю.В.Латов. Ук. соч.

19. Лев Кадик. Вечный источник российского бюджета // Коммерсантъ, № 188П, 15 октября 2001 г. Стр. 6.

20. Лев Кадик. Ук.соч.

21. Питер Дэйвис. Необходимость таможенной реформы в России назрела // Трансформация, август 1998. Стр. 10.

22. Geoffrey R.D.Underhill. Global Money and the Decline of State Power. Columbia International Affairs Online, Conference Proceedings, at <http://www.ciaonet.org/isa/ung01/>

23. Lawrence Malkin, Yuval Elizur. The Dilemma of Dirty Money // World Policy Journal. Vol. XVIII, N 1, Spring 2001. Pp. 13-15.

24. Roy Godson, Phil Williams. Strengthening Cooperation Against Transnational Crime // Survival. Vol. 40, N 3, Autumn 1998. P.68.

25. Phil Williams. Transnational Criminal Organisations and International Security // Survival. Vol. 36, N 1, Spring 1994. Pp. 96-113.

26. Марк Урнов: «Скандал с крупными корпорациями в США – подрыв всех принципов мобилизации капиталов», <http://www.strana.ru>, 09.07.02

27. Robert Leiken. Controlling the Global Corruption Epidemic // Foreign Policy, N 105, winter 1996-97. P.56.

28. Ричард Хаас. Глобализация экономики, или что нам делать с МВФ (<http://www.intellectualcapital.ru/iss2-16/icworld16-2.htm>); Аллан Мелцер. Реформирование международных финансовых институтов: план обеспечения финансовой стабильности и экономического развития // Economic Perspectives, February 2001 (<http://usinfo.state.gov/journals/ites/0202/ijer/ifis-meltzer.htm>); Карин Лиссакепс. МВФ и реформирование мировой финансовой структуры // Economic Perspectives, August 1988 (<http://usinfo.state.gov/journals/ites/0898/ijer/ejliss.htm>).

29. Г.Сатаров, С.Пархоменко. Разнообразие стран и разнообразие коррупций. Аналитический доклад. Москва: Региональный общественный фонд «Информатика для демократии», 2001.
30. Анатомия коррупции, http://www.aif.ru/aif/1126/06_01.php?forprint
31. Диагностика российской коррупции: социологический анализ, <http://www.anti-corr.ru/awbreport/indextxt.asp?filename=rutxt/05.xml>
32. Е.Кульянов. Проблемы и перспективы применения интернет-технологий в борьбе с коррупцией, <http://www.anti-corr.ru/indexnews.asp?filename=rutxt/keg/main.xml>
33. К.Головщинский. Коррупциогенность правовых норм. Под редакцией Г.А.Сатарова и М.А.Краснова. Москва: Общественный региональный фонд «ИНДЕМ», 2001. Стр.6.
34. Латов Ю.В. Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики. Научные доклады, № 125. Москва: МОНФ, 2001. Стр.68-79.
35. Наркоагрессия и наркокоррупция в России. Информационный обзор № 3. Москва: Национальный Анतिकоррупционный Комитет, октябрь 2001.
36. David Knoke. Political Networks. The Structural Perspective. Cambridge University Press, 1990. Pp. 6-15.
37. Россия - 2015: судьба коррупции и судьба России, <http://www.indem.ru/PUBLICATION/2015/Corr2015.htm>
38. Максим Блант. Защитите добросовестного! // Итоги, 20 февраля 2001 г. Стр. 38.
39. Наталия Куличева. Лидерство в партии и госдолжность: совместимы ли они? <http://www.vibory.ru/journal/journ6/jbarta5.html>
40. Марина Холмская. Выборы в регионах: закон и практика, <http://www.vibory.ru/journal/journ9/j9arta7.html>
41. Наталия Куличева. Проблемы применения закона, <http://www.vibory.ru/journal/journ0103/01j03arta2.html>
42. Коррупция в системе государственного управления России: значение, причины и механизмы искоренения, <http://www.svor.ru/yuka/841.shtml>
43. Г.Павловский. Теневая юстиция берёт власть, <http://www.fep.ru/publications/management/18-04-2001-str.html>

44. Глеб Павловский: Цель близка – восстановленная суверенная федерация, <http://www.fep.ru/publications/management/zel0blizla.html>
45. В.Никонов. Власть показывает власть, <http://www.polity.ru/vlast.html>
46. Из стенограммы семинара «Коррупция: мифы, реальность, прогнозы», <http://www.csr.ru/conferences/sten.kor.17.04.00.html>
47. Natalia Burova. Measuring Shadow Economy in the Kaliningrad Region (abstract). Russian-European Centre for Economic Policy. RESEP Research Paper, 21 May 2002.
48. Коррупция в России: муниципальные, региональные, федеральные и международные аспекты. Аналитический доклад. Нижний Новгород, 2000; Политико-административные аспекты коррупции в регионах Приволжского федерального округа. Аналитический доклад. Нижний Новгород, 2002; Теневая политика. Коррупция и преступность в России и мире. Учебное пособие. Нижний Новгород, 2002.
49. . <http://www.novosti.vl.ru/index.php?f=ns&t=101299ns01>
50. Miriam A.Golden, Eric C.C.Chang. Competitive Corruption. Factional Conflict and Political Malfeasance in Postwar Italian Christian Democracy. Paper delivered at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta, September 2-5, 1999
51. Luis Manuel Macedo de Sousa. Corruption and Parties in Portugal. European University Institute, Robert Schuman Centre. RSC Working Paper N 99/29.
52. Arnold J.Heidenheimer. Political Parties and Political Corruption in Comparative Historical Perspective. European University Institute, Robert Schuman Centre. RSC Working Paper N 99/28.
53. Выступление Н.Д.Стрижака. В книге «Россия и мировой опыт противостояния коррупции»... Стр.91-93.
54. И.Тимофеев. Гарвард и мошенничество, <http://www.utro.ru/articles/print/2002070104543686519.shtml>
55. Штраф в 100 миллионов за недобросовестные советы, <http://www.utro.ru/news/print/2002052209304979281.shtml>
56. Merrill Lynch извинилась за неправильные письма своих аналитиков // Ведомости, № 75 (638), 29.04.2002. С. Б1.
57. http://www.opec.ru/comment_doc.asp?tmpl=comment_doc_print&d_no=23890